

УДК 94⁹⁹
ББК 63³⁽²⁾⁴¹
В²⁸

Редакция: К.Ш.Исхаков, Р.С.Хакимов, М.А.Усманов
Ф.Ш.Хузин (ответственный редактор), А.Г.Ситдиков,
Р.Р.Хайрутдинов (ответственный за выпуск)

Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола “Великий Волжский путь” и Международного научного семинара “Историко-культурное наследие Великого Волжского пути”. Казань, 28-29 августа 2000 г. - Казань: Изд-во “Мастер-Лайн”, 2001. - 354 с.

© Институт истории АНТ, 2001
© Казанский Совет народных депутатов, 2001

ISBN 5-93139-099-5

Раздел первый

Материалы Круглого стола “Великий Волжский путь”

раннее новое время. М., 1996. С. 75–77).

21 Глазырина Г.В. Формирование устной традиции. С. 164.

22 Сердечно благодарю Т.Н. Джаксон, обратившую мое внимание на эти фрагменты сочинения Адама Бременского.

23 Adam Brem. III, 15; Из ранней истории шведского народа и государства: Первые описания и законы / Отв. ред и сост. А.А.Сванидзе. М., 1999. С. 77 (пер. с лат. В.В. Рыбакова).

24 Эмунд Старый (Плохой) (1050–1060).

25 Adam Brem. IV, 19, schol. 119; Из ранней истории шведского народа. С. 92.

26 История агван. С. 275–276.

27 Le livre de la création et de l'histoire de Motahhar b. Tahir el-Maqdisi. T. IV. P. 66; The Concluding Portion of the Experiences of the nations by Miskawaihi. P. 62–66.

28 Мельникова Е.А. Скандинавские runические надписи: Тексты, перевод, комментарий. М., 1977. № 32.

29 Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 527–528.

30 Там же. С. 528–529.

31 Новгородские былины / Ю.И. Смирнов, В.Г. Смолицкий. М., 1978. № 19, 24, 31, 32, 43, 48.

32 Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 123–128.

33 Смирнов П.П. "Сказание о холопьей войне" в Древней Руси // Ученые зап. МГПИ им. Потемкина. 1947. Т. II. Каф. истории СССР. Вып. 2.

34 Гадло А.В. Предание о походе на Булгар и Хазарию. С. 55–57.

35 Maçoudi. Les prairies d'or. T. II. P. 15; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. С. 196–197. См. также: Masoudi. Les prairies d'or. T. II. P. 24–25; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. С. 201. Нитас (или Ниташ) – искаженное неверной постановкой диакритических знаков слово "Бунтус", являющееся арабской передачей греческого наименования Черного моря "Понт".

36 Cosmographie de Chems-ed-Din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui: Texte arabe / Ed. M.A.F.Mehren. Leipzig, 1923. P. 262; Коновалова И.Г. Сведения арабских авторов XII–XIV вв. о городе Русийа // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Паншуто. Москва, 12–14 апреля 1993 г. Тез. докл. М., 1993. С. 105. Манитас (Манитас) – арабская передача греческого названия Азовского моря "Меотида".

Валерий Седых
(Санкт-Петербург)

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ВОЛЖСКОГО ПУТИ

Тема Балтийско-Волжского или Великого Волжского пути (ВВП) накопила в научной литературе огромную историографию, от кратких сообщений до монографических исследований [6; 25]. И это заслуженно, ибо в течение столетий ВВП был магистралью, связывавшей разные страны, континенты, миры.

В условиях густой залесенности и широкой заболоченности Восточной Европы в древности реки были важнейшими и единственными нитями коммуникаций во все времена года; и в первую очередь это относится к Волге – крупнейшей реке Восточной Европы, чей бассейн охватывает 12 % всей площади континента. Именно Волга стала той магистралью, по которой на Русь и в страны Балтики поступало монетное серебро – главный предмет восточного импорта в Восточную Европу, лишенную собственных рудных запасов. К рубежу VIII–IX вв. арабское серебро из государств Средней Азии и Переднего Востока через Северный Кавказ, Хазарию и Булгар по Волге стало активно поступать в пределы Северной Руси. В районе Ладоги система восточноевропейских речных магистралей смыкается с западной ветвью морских торговых путей, сформировавшихся в VII–VIII вв. С этого момента балтийская система коммуникаций приобретает общеевропейский характер [14; 17]. Исследователи отмечают, что в IX–начале X в. единственной магистралью транзитного торгового движения с Востока был Волжский путь [6; 32]. Функционирование ВВП явилось, наряду с расселением восточных славян в лесной зоне Восточной Европы, одним из основных факторов, способствовавших образованию Древнерусского государства [7; 17; 20 и др.].

Становление торговых связей со странами Востока началось в 70–80-е гг. VIII в. и определялось потребностью населения Восточной Европы в серебряной монете и серебряном сырье для ремесленной деятельности. Уже в первый период обращения дирхемов (до 833 г.) количество кладов, обнаруженных практически на всей территории Древней Руси, значительно превышает число кладов в Скандинавии, что свидетельствует об ориентации на внутренние потребности Руси в серебряной монете, а не о транзитном характере ввоза дирхемов в этот период [33].

“Восточноевропейские вики” — открытые торгово-ремесленные поселения, такие как Ладога в низовьях Волхова, Рюриково Городище под Новгородом, Гнездово близ Смоленска, Тимерево под Ярославлем и др., составляли единую систему центров и путей и играли основную роль в распространении среди местного населения предметов восточного импорта, прежде всего монетного. Нумизматический материал, полученный в результате раскопок памятников эпохи раннего средневековья, позволяет сделать вывод о более широком распространении монетного на территории Древней Руси, чем об этом свидетельствуют материалы кладов. Для русского денежного обращения характерна тесная связь внутреннего обмена с внешней торговлей — источником поступления общего для Восточной и Северной Европы средства платежа и обмена [31]. Это подтверждается находками монет либо на территории поселений, либо в непосредственной от них близости [21]. Попадая компактными массами на торгово-ремесленные и военно-административные поселения, монеты затем перемещались на отдаленные рынки в результате местного или территориального обмена — путем постепенного перехода от одного местного рынка к другому. Памятниками таких интенсивных и многоступенчатых торговых операций являются клады длительного накопления, в том числе денежно-вещевые. В эти операции было втянуто разноязыкое население территорий, по которым пролегал ВВП. Результатом таких торговых операций было распределение в памятниках различных видов артефактов, связанных с торговлей или функционированием торгово-ремесленных поселений с полиэтничным населением. Торговый и торгово-ремесленный обмен включал в себя различные виды продукции: керамику, ремесленный инструментарий, украшения, оружие и пр. Обмен на этом уровне начинается уже в середине VIII в. (Ладога), достигая максимума к середине X в. Необходимо отметить, что большинство технико-технологических заимствований, фиксирующихся на торгово-ремесленных поселениях и в древнерусских городах, было следствием непосредственного общения русских ремесленников и купцов с живыми носителями иных культурных традиций. Результатом таких контактов являются известные уже в значительном числе находки “вещей-гибридов”, представляющих собой орнаментально и конструктивно сплав мотивов и элементов Севера, Запада и Востока. На всех перечисленных выше крупных поселениях найдены клады арабского серебра и другой восточный импорт, предметы обще-балтийского круга древностей и скандинавского происхождения. На многих из них скандинавы были в числе постоянных обитателей [1; 3; 6; 19 и др.], на которых были возложены обязанности по обеспечению нормального функционирования определенных участков Балтийско-Волжского пути. В свою очередь, сами поселения возникали у наиболее сложных, ключевых участков водного пути (пороги, волоки, места раздвоения рек на рукава и т.п.), чтобы обеспечить их безопасность и контроль над ними.

Появившись в Ладоге в середине VIII в., т. е. с самого начала становления торговых путей в Северной Руси, скандинавы на протяжении почти трех столетий принимали активное участие в международной торговле, поставив целью продвижение и закрепление вдоль основных водных артерий, которые вели к источникам серебра и местным пушным рынкам. Постепенно скандинавы проникли вглубь территории Руси вплоть до Волго-Окского междуречья, где их присутствие зафиксировано уже для начала IX в. [15]. Первой половиной X в. (а, возможно, IX веком — см.: [26, с.237]) датируется комплекс кургана № 13 Балтымерского могильника, инвентарь которого характерен для синхронных дружинных погребений Северной и Восточной Европы [11]. Увеличение торговой и политической активности скандинавов в IX-X вв. засвидетельствованы письменными источниками — русские летописи, сообщения восточных авторов (Ахмед Ибн-Фадлан, ал-Балхи и др.) и скандинавские саги, а также археологическими и нумизматическими данными. В числе последних следует упомянуть о том, что основные типы граффити на восточных монетах представлены в материалах Древней Руси, преимущественно из района Балтийско-Волжского пути, и том числе Элмедский клад, в котором присутствуют две монеты с граффити, и Скандинавии, являясь показателями теснейших русско-скандинавских экономических и культурных связей той эпохи [4].

Исследователи темы обращали внимание на наличие лакун в распространении памятников IX-X вв. на трассе ВВП. Отсутствие последних, а также кладов этого времени послужило основанием для скептического суждения об использовании Волги в качестве прямого транзитного пути в IX в. [16].

Верхнее течение Волги — в целом ключевой участок ВВП, место пересечений многочисленных сухопутных и водных магистралей. Отсюда особый интерес к археологическим памятникам эпохи раннего средневековья. В бассейне верхней Волги обнаружено в общей сложности не менее 20 кладов арабских монет IX-X вв. Один из них был обнаружен в 1879 г. на Богоявленской горе близ г. Углича (младшая монета 829 г.). До последнего времени Угличское Поволжье не входило в число регионов, затронутых процессом становления древнерусской государственности в X в. [30]. В 80-90-е гг. работами Архитектурно-археологической экспедиции ЛГУ, а затем Угличской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа под руководством к.и.н. С.В.Томсинского получены материалы, позволяющие如今 оценить ситуацию на верхней Волге в X столетии. В ходе работ на территории кремля, в восточной части мысовой площадки были обнаружены остатки дружинного некрополя X-первой половины XI в., полностью уничтоженного в XI-XII вв. при строительстве укреплений вдоль Каменно-ручья. Среди находок — три бронзовых наконечника ножен мечей: массивный с изображением борющихся переплетенных чудовищ, характерных для стиля Еллинг и два ажурных — с изображением птицы со следами серебрения и с изображением зверя в стиле Еллинг, которые суммарно

датируются X — началом XI в. [30, с.30, рис.2, 1-3]. Определенный интерес представляет и бронзовая круглая односкорлупная золоченая скандинавская фибула X в. с серебряным колечком из рубчатой проволоки с изображением на лицевой стороне трех звериных голов, выполненных в высоком рельефе [30, с.30, рис.2, 4]. Кроме описанных выше, к серии скандинавских находок относятся обломок кости животного с руноподобной надписью из пяти знаков и кость с двумя руническими знаками, которые, по определению Е.А.Мельниковой, представляют собой заклинание, призывающее благорасположение бога Фрейра [28, с.35, рис.], а также миниатюрный железный амулет — “молоточек Тора” [29, с.46, рис.,16]. К инвентарю несохранившихся погребений относились, вероятно, найденные на небольшом участке вместе с указанными выше предметами детали поясной гарнитуры, дирхемы и их фрагменты, в том числе со следами пребывания в огне, низкопробные и фальшивые (медные), бусы, костяной футляр одностороннего гребня с циркульным орнаментом. Обломки лепной керамики достаточно отчетливо демонстрируют, по мнению автора раскопок, неоднородность этнического состава обитателей поселения в X-XI вв. [27]. Предметы, обнаруженные на территории кремля Углича, очевидно, принадлежали одной из групп скандинавов, продвинувшихся в этот регион в первой половине — середине X в. для обеспечения функционирования одного из участков ВВП. Поселение, возникшее на правом берегу Волги при владении ручьев Каменного и Шелковки, контролировало порожистый участок верхнего течения Волги на пересечении с хорошо известным по позднесредневековым источникам зимним путем, связавшим центральные районы Волго-Окского междуречья с Белозерьем и Приладожьем. Часть представителей этой группы, по мнению С.В.Томсинского, отличалась достаточно высоким социальным статусом и принадлежала к дружинной знати; поселение же автор раскопок относит к числу погостов, включенных в систему княжеского полюдья. Скандинавские находки по времени хорошо согласуются с местным топонимическим прошлением (известным по письменным источникам XVII-XVIII вв.) об основании Углича в 937-941 гг. неким Яном Плесковичем, “родственником” княгини Ольги и княжеским данщиком, отсюда — и название древнейшей укрепленной части Углича — “Яново поле”.

На смену поселению-погоду приходит древнерусский город Углече Поля, впервые упомянутый летописью под 1149 г. Как показали археологические исследования, город возникает в первой трети XI века и довольно скоро становится центром ремесла и торговли. Хронологически основание Углече Поля соотносится с основанием другого города на Волге — Ярославля в устье Которосли. Оба города были основаны на стратегически важных участках торгового пути, на пересечении сухопутных и иных путей с Волгой и должны были охранять рубежи Ростовской земли и способствовать укреплению государственности на северо-востоке Руси.

В эти же годы новые материалы были получены автором данного сообщения при комплексном исследовании уже хорошо известного в науке Тимеревского археологического комплекса под Ярославлем. В ходе этих работ было выяснено, что наиболее ранние комплексы поселения, открытые к настоящему времени, очевидно, располагались на северо-западной его окраине. Они содержат чистый комплекс лепной керамики, украшения и бытовые вещи, кусочки янтаря, монету Идриса II конца VIII-начала IX вв. Впоследствии они были перекрыты комплексами могильника с погребениями по обряду трупосожжения на стороне, затем вновь комплексами поселения, среди которых раскрыты остатки уникальной обжигательной печи X столетия, и, наконец, верхний горизонт этого “слонового пирога” представлен погребениями по обряду трупоположения на горизонте, датирующемся концом X - началом XI в. (по монете), и в ямах — XI-XII(?) вв. [24]. Один из комплексов погребения содержал в инвентаре бронзовый браслет, который исследователи относят к украшениям мещера (22) — рис. 1.

В науке известно два клада арабских монет, найденных в Тимереве. В 1987 г. автору удалось выявить 17 монет, находящихся в руках местного жителя-коллекционера и найденных в 1967(!) г. (обращаю внимание на год обнаружения клада) примерно на том же месте, где было обнаружено основное скопление монет в 1968 г. По предварительной оценке в распоряжении находчиков было не менее 2100 экземпляров монет, кроме того, по сообщению владельца, из найденных в 1967 г. монет не менее тысячи экземпляров было утрачено безвозвратно. Младшая монета этой выборки датируется 867 г. [5]. Очевидно, мы имеем дело с еще одним кладом восточного серебра, сокрытым в непосредственной близости от Тимеревского поселения. Самый крупный из трех тимеревских кладов восточных монет был обнаружен в 1973 г. на основной площадке Тимеревского поселения во время раскопок. После возобновления исследования Тимеревского комплекса было обнаружено еще 77 экз. дирхемов. Новые находки не изменили общей нумизматической оценки клада, подтвердили его первоначальную датировку. Таким образом, на сегодняшний день в состав клада входит 2762 монеты. Это крупнейший клад восточных монет, зарытый на территории Древней Руси и Восточной Европы в целом в IX столетии.

Основное внимание при раскопках комплекса было уделено исследованию курганного могильника. В 1984-1990 гг. было доследовано девять курганов, имевших повреждения насыпей в виде ям и траншей - следы грабительских или несовершенных в методическом отношении раскопок прошлого. По сведениям М.В.Фехнер, таковых в могильнике насчитывается 45 насыпей (9,5%) и располагаются они по всей территории некрополя. Раскопкам экспедиции подверглись насыпи в центральной и западной частях могильника, в том числе наиболее крупные (№№ 285,297,382).

Исследованные комплексы готовятся к публикации, поэтому здесь я ограничусь лишь суммарной характеристикой некоторых комплексов погребений.

Насыпь кургана № 285 носила следы раскопок в виде траншеи, ориентированной строго по линии север-юг, и ямы в центральной части, дошедших до материка, что свидетельствует о методически несовершенных раскопках археологов прошлого. Первоначально курган имел плоскую вершину. Остатки погребения по обряду трупосожжения на месте дошли к нам в непотревоженном виде: оно производилось на площадке размерами 6 х 6 м с использованием деревянных конструкций, затем остатки были собраны в кучу. В ней обнаружены (рис.2) богатый поясной набор из бронзовой пряжки и бронзовых с золочением и серебрением бляшек нескольких типов, детали ларца, фрагменты плетения из золотой нити, наконечники тонкого серебряного листа, фрагмент бронзового перстня, копушка, восьмигранная буса из сердолика, детали конской сбруи, два лепных горшка в обломках и многочисленные неопределенные кусочки первого стекла и оплавленной бронзы. Часть кальцинированных костей вместе с инвентарем — фрагменты одностороннего костяного орнамента с отверстием для привешивания, обгоревшие стеклянные рифленые бусы, кусочки оплавленной бронзы — была вынесена в насыпь. Предварительное определение кальцинированных костей показало, что на кострище были сожжены взрослые — мужчина и женщина, подросток, ребенок (возможно, дети), лошадь и собака. Данный комплекс относится к числу больших и богатых курганов могильника и датируется серединой — второй половиной X столетия.

Под насыпью кургана № 284, имевшей следы раскопок в виде грабительской ямы, открыто сидячее погребение мужчины в камере. В прямоугольной камере размерами 1,9 x 1,4 x 0,75 м зафиксированы остатки деревянной обшивки стен, пола и, очевидно, перекрытия, а также камни, возможно, игравшие какую-то конструктивную роль. В камере обнаружено захоронение мужчины по обряду ингумации в сидячем положении — кости плохой сохранности зафиксированы в северной половине могильной ямы. При погребенном обнаружен богатый инвентарь. Наибольший интерес представляют остатки кошелька, подобного обнаруженному в кургане № 13 Балымерского могильника, внутри которого, очевидно, когда находились два фрагмента арабских монет — дирхемов, весовая гирька, бронзовая поясная бляшка, костяная орнаментированная играль-Ахмад, 918/919 гг. (место чеканки обрезано). В районе пояса найдены нож крупных размеров с остатками дерева на рукояти, фитильная трубочка, два бронзовых бубенчика во фрагментах, бронзовая подковообразная спиралеконечная фибула из перекрученного дрота с железным языч-

ком. Погребение также сопровождали бронзовая пуговица, глазчатая и фиестостеклянная бусы. Справа от погребенного на дне могилы найдены две лепных горшка, один из которых стоял вверх дном. Исследованный комплекс по обряду погребения и инвентарю (монеты, фибула, бусы) может быть датирован серединой X столетия.

Материалы раскопок кургана № 297 опубликованы [8]. Напомню, что насыпь была расположена в центральной части могильника, это одна из четырех самых крупных в некрополе. Насыпь имела следы грабительских раскопок в виде ямы в центральной части. На уровне древней погребенной поверхности зафиксирована грунтовая яма прямоугольной формы размерами 2,6 x 1,6 м и глубиной от 0,13 до 0,25 м, ориентированная по линии запад-восток. Внутри ямы зафиксированы остатки покрытия пола, а также три столбовые ямки у западного борта, входивших, вероятно, в конструкцию козырька деревянной камеры, расположенного в изголовье погребенных. За пределами ямы вдоль западного и восточного борта были обнаружены частично сожженные доски ладьи с заклепками. К южному от могильной ямы открытая каменная кладка ладьевидной формы длиной 6,5 м и шириной 2,1 м, которая была ориентирована по линии север-юг. Здесь же было зафиксировано кострище с фрагментами сожженных деревянных конструкций, камней и неопределенных кальцинированных костей. В яме-камере обнаружены два погребения по обряду трупоположения с западной ориентировкой.

Погребение 1 — женское, возраст 30-45 лет. Находится в южной половине могильной ямы. У черепа обнаружены остатки золотого шитья, витимо, фрагменты тесьмы от ворота одежды. В районе пояса погребенной найдены серебряная подковообразная фибула со спиральными концами, изготовленная из круглого в сечении рубчатого дрота, набор, характерный для женских скандинавских погребений, — костяной игольник с набором железных игл на цепочке из серебряных и бронзовых звеньев, железные пружинные ножницы и нож, деревянная рукоятка которого обмотана тонкой серебряной проволокой, причем украшение навершия рукояти ножа выполнено в виде плетенки. В ногах погребенной найдены две крупные круглые бусы горного хрусталя и буса глазчатая темно-синего стекла. В юго-восточном углу камеры найдены два фрагментированных лепных горшка, очевидно, относящиеся к описываемому погребению.

Погребение 2 — девочки-подростка 11-13 лет. Находится в северной половине камеры. Нижняя часть костяка уничтожена грабительской ямой, дошедшей до материка. На груди погребенной обнаружены две скорупообразные посеребренные фибулы (типа 51К по Я.Петтерсену) с остатками кистей двух видов. В районе пояса найден дирхем-привеска с ушком, чеканенный в 804/5 гг. (Аббасиды. Харун-ар Рашид. Ал-Мухаммадия — определение И.Г.Добровольского). В области кисти левой руки захороненной обнаружен серебряный перстень с сердоликовой вставкой, который

был надет на фалангу медвежьей лапы. Здесь сохранилось два когтя медведя, один из которых находился внутри кольца перстня. У северного борта могильной ямы близ остатков деревянного покрытия пола обнаружены две бусы: глазчатая темно-синего стекла, аналогичная найденной в погребении 1, и рифленая горного хрусталя. С данным погребением, очевидно, связан глиняный сосуд, найденный в грабительской яме. На борту камеры у юго-западного ее угла обнаружены фрагменты перевитой металлической ленты тяжелого сплава и остатки деревянного ведра. Находку перстня на остатках медвежьей лапы можно интерпретировать как обручение девочки-подростка с медведем-“праородителем”, “хозяином”. В пользу такого объяснения говорят многочисленные этнографические и фольклорные аналогии. Связь культа медведя со свадебной обрядностью хорошо известна из материалов этнографии [10]. Так, в Швеции собственно термин “жениться” передается словом “обмедведиться”, то есть “выйти замуж за медведя”. Исследованный курган по совокупности датировок элементов обряда и находок (прежде всего - фибул) следует датировать второй-третьей четвертью X века. Это — один из наиболее интересных и богатых комплексов X столетия в Ярославском Поволжье.

Насыпь кургана № 382 располагалась в западной части могильника, на его окраине. Она имела до раскопок грабительскую яму в центре, трапециевидную, отходившую от центра в восточном направлении, и еще ряд незначительных повреждений. На уровне древней погребенной поверхности были зафиксированы остатки погребения по обряду сожжения на месте использования деревянных конструкций и камней; возможно, в конструкцию погребального сооружения входила обнаруженная близ юго-восточного угла столбовая яма. Раскопками было выявлено костище размерами 5,0x4,5 м и мощностью до 0,1 м. Кальцинированные кости были распространены на костище неравномерно. Основная масса костей была сосредоточена рядом с остатками сожженных деревянных конструкций. Очевидно, сожжение было совершено в срубе. По предварительным определениям, на костище были сожжены мужчина, женщина, конь, собака и какой-то хищник. Погребенных сопровождал богатый и разнообразный инвентарь (рис.3). К погребению мужчины относятся находки бронзовых поясных бляшек различной формы, в том числе с антропоморфным изображением воина в шлеме, железной подвески в виде молоточка Тора, костяного составного орнаментированного гребня и железного ледоходного шипа. Инвентарь женского захоронения более разнообразен. Это остатки бронзовой скорлупообразной фибулы, сердоликовые, стеклянные бусы и бусы из горного хрусталя, бронзовые шумящие украшения – трапециевидная привеска, пронизки, бубенчик, колокольчатая привеска и привеска в виде утиной лапки. На костище были найдены фрагменты железной оковки ларца, среди которых зафиксированы многочисленные слиточки серебра и бронзы, оплавившийся стеклянный сосудик, две сер-

доликовые вставки от перстней, одна из которых с арабской надписью “Ибраим сын Али” (определение И.Г.Добропольского), миниатюрный железный нож и другие железные и бронзовые изделия. На костище обнаружены остатки богатой конской сбруи – бляшки и так называемые “наконечники”. Здесь же найдены фрагменты глиняной лапы и скопления фрагментов керамики от 4-5 лепных сосудов. Погребальный инвентарь позволяет достаточно определенно говорить об этнической принадлежности погребенных в кургане № 382. Мужчина, очевидно, был выходцем с севера, о чем говорят находки культовой привески в виде молоточка Тора, богатого поясного набора и др. Женщина происходила, вероятнее всего, из местной финно-угорской среды — в пользу этого, в первую очередь, говорят находки бронзовых шумящих украшений.

В инвентаре прочих исследованных курганов и в материалах раскопок поселения встречены фибулы (рис.4), детали поясной гарнитуры и сбруи (рис.5, 6), весовые гирьки (рис.7), железная гривна с молоточком Тора (рис.8) и др.

Проведенные полевые исследования, анализ вещевого материала могильника и поселения подтверждают, что перед нами — открытый торгово-ремесленное поселение раннегородского типа, располагавшееся на перекрестке путей и, очевидно, контролировавшее один из участков Великого Волжского пути, соединившего с конца VIII века государства Переднего Востока и Средней Азии со странами Восточной, Северной и Западной Европы. Тимерево находилось несколько в стороне от важной водной дороги по Которосли, которая входила в систему Волжского пути, в контактной зоне территории кривичей и финно-угорских земель веши и мери. Вместе с тем концентрация крупнейших для IX века кладов арабского серебра, находок предметов быта, оружия и украшений импортного происхождения, большая площадь поселения, многоэтничный состав его населения позволяют сделать вывод, что Тимерево являлось ключевым торгово-ремесленным и военно-административным пунктом на Балтийско-Волжском пути. Начало функционирования Тимерева относится к третьей четверти IX века, о чем свидетельствуют клады, первые погребения могильника и ранние комплексы поселения. Основными занятиями жителей центра были торговля, ремесла и военное дело, что нашло отражение в материалах комплекса. Вместе с тем, население Тимерева занималось сельским хозяйством, охотой, рыболовством, различными промыслами. Выделенные категории импортов свидетельствуют о прочных связях Тимеревского центра со Скандинавией, Востоком и Византией. Время расцвета Тимерева — середина X века — совпадает с расцветом восточной торговой линии. Тимеревское поселение входило, наряду с Ладогой, Рюриковым городищем, Гнездовым и др., в единую систему торгово-ремесленных центров и военно-торговых путей Восточной Европы эпохи раннего средневековья. Тимерево было самым восточным звеном в цепи таких

центров Древней Руси. Система торгово-ремесленных поселений существовала в этот период и на территории Волжской Булгарии [2; 12; 13 и др.]. Перечисленные памятники стоят в одном ряду с другими раннегородскими торговыми-ремесленными центрами Балтийского региона, такими как Хедебю и Рибе в Ютландии, Каупанг в Норвегии, Павикен на Готланде, Хельго и Бирка в Швеции, Ральсвик, Любек, Менцлин и др. на южном побережье Балтийского моря, и были непосредственно с ними связаны. С включением территории Ярославского Поволжья в состав Древнерусского государства Тимерево, учитывая имевшийся потенциал, могло играть роль опорного пункта княжеской власти на местах — погоста и одновременно опорного пункта для дальнейшего освоения финно-угорских земель, которое в массовом порядке началось во второй половине XI века переселением крестьян-земледельцев уже с помощью формирующейся феодальной власти.

Наличие богатых дружинных захоронений некрополя Тимерева (более 20%), в том числе совершенных в деревянных камерах и срубных могилах (9), захоронений женщин и детей в больших и богатых курганах (23), отдельных "усадеб" на поселении отражают процесс дальнейшего расслоения общества в середине — второй половине X столетия и начало процесса формирования древнерусской народности на этой территории. Специальное исследование показало, что при этом военная традиция и социальный состав населения Тимерева остаются в целом неизменными на протяжении X — первой половины XI вв. [18].

Тимерево обладает всеми признаками раннегородского центра и является не единственным поселением такого типа в окрестностях Ярославля. Отсутствие материалов из раскопок Михайловского и Петровского поселений не позволяет пока выявить их соотношение между собой и реконструировать механизм "передачи функций" поселению нового типа — княжескому городу Ярославлю. В первой половине XI столетия, сыграв свою роль в формировании государственности, усилившей княжеской власти и боярской прослойки, в формировании народности на территории Ярославского Поволжья, в силу, прежде всего, ряда внешних причин — упадок международной торговли, "серебряный кризис" в связи с разгромом Хазарии, конец эпохи викингов и складывание централизованных государств в Европе — активная жизнь на Тимеревском поселении замирает.

Дальнейшие исследования в регионе Верхней Волги, так же как и обсуждение существующих в науке проблем позволяют полнее воссоздать историю Великого Волжского пути.

Примечания:

1. Авдусин Д.А. Гнездовские импорты // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1989.
2. Валиулина С.И. Международная торговля Биляра по археологическим материалам // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999.
3. Давидан О.И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII—XIII вв. (по материалам Земляного городища) // Контакты и взаимодействие древних культур. Л., 1981.
4. Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.
5. Добровольский И.Г., Дубов И.В., Седых В.Н. Монетные находки в Ярославском Поволжье и их значение для этносоциальных и хронологических характеристик комплексов // Монеты, медали, жетоны. Сборник статей. М., 1996.
6. Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989.
7. Дубов И.В. Великий Волжский путь в истории Древней Руси // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999.
8. Дубов И.В., Седых В.Н. Новые исследования Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров. Доклады IV советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб., 1992.
9. Дубов И.В., Седых В.Н. Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // Историческая этнография (Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4). СПб., 1993.
10. Дубов И.В., Седых В.Н. "Свекор-батька говорит: к нам медведицу ведут" // Живая старина. № 4. М., 1997.
11. Измайлова И.Л. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. СПб., 2000.
12. Казаков Е.П. Торгово-ремесленные поселения булгар X-XI вв. и Северо-Восточная Европа // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999.
13. Казаков Е.П. Ранние торгово-ремесленные поселения на Волге и Каме // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 2000.
14. Лебедев Г.С. Этапы формирования трансбалтийской коммуникационной системы (древность—раннее средневековье) // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1989.
15. Леонтьев А.Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // Скандинавский сборник. Вып. XXVI. Таллинн, 1981.
16. Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183.

17. Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы// Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999.
18. Недошивина Н.Г. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника// Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
19. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
20. Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси// Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.
21. Потин В.М. Находки западноевропейских монет на территории древней Руси и древнерусские поселения// Нумизматика и Эпиграфика. Том III. М., 1962.
22. Рябинин Е.А. Средневековая мещера: опыт историко-культурной интерпретации// Древняя Русь: новые исследования. (Славяно-русские древности. Вып. 2). СПб., 1995.
23. Седых В.Н. Большие курганы Древней Руси// Беларусь у сістэме ёўрапейскіх культурных сувязяў. Гістарычна-археалагічны зборнік. № 11. Мінск, 1997.
24. Седых В.Н. Тимерево: древнерусская деревня? скандинавская фактория? притогород??// Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998.
25. Смірнов П.П. Волзький шлях і стародавнії Руси. Київ, 1928.
26. Стальберг А. Находки скандинавского происхождения IX-XI вв. в Волжско-Камской Булгарии// Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 2000.
27. Томсинский С.В. Угличский кремль — археологический памятник X-XVII вв.// Славянский средневековый город. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 2. М., 1997.
28. Томсинский С.В. Раскопки в Угличском кремле в 1998 г.// Отчетная археологическая сессия за 1998 год. Тезисы докладов. СПб., 1999.
29. Томсинский С.В. Раскопки на территории Угличского кремля в 1999 г.// Отчетная археологическая сессия за 1999 год. Тезисы докладов. СПб., 2000.
30. Томсинский С., Тимофеевский А. Предметы скандинавского происхождения из культурного слоя Угличского кремля // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LVII. СПб., 1997.
31. Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси: Автореф. канд. дисс. М., 1951.
32. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
33. Янин В.Л. Русские денежные системы IX-XV вв.// Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

Иллюстрации:

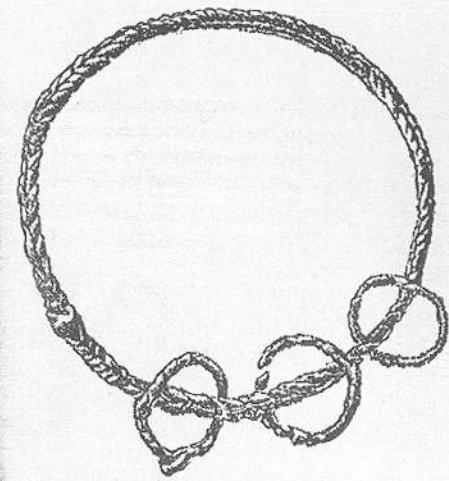

Рис. 1. Тимеревский археологический комплекс. Бронзовый браслет из погребения в материевой яме на территории поселения.

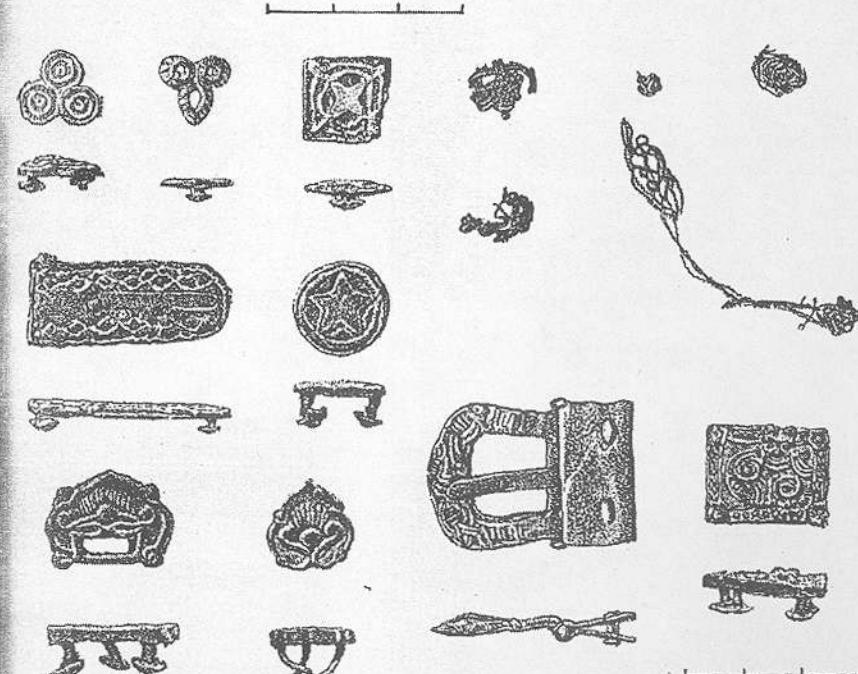

Рис. 2. Тимеревский курганный могильник. Инвентарь кургана № 285.

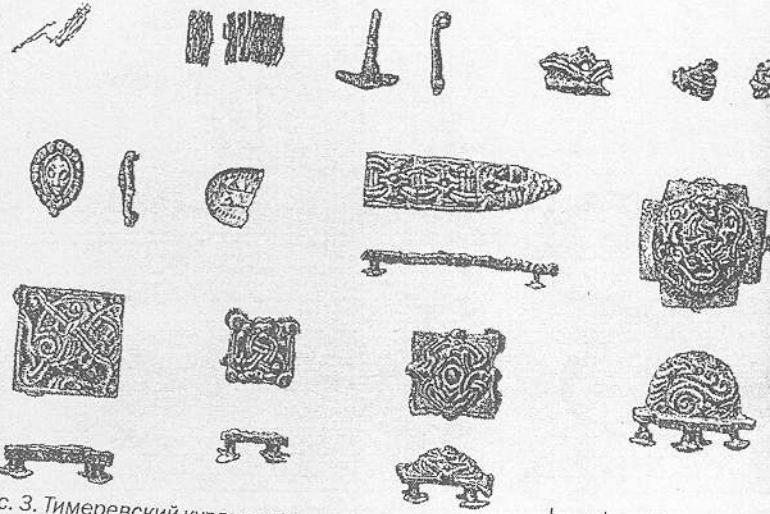

Рис. 3. Тимеревский курганный могильник. Инвентарь кургана № 382.

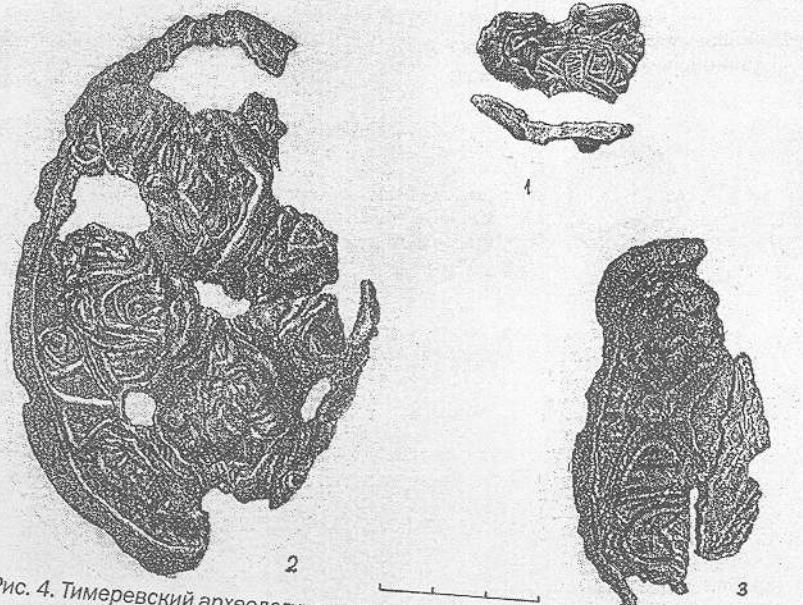

Рис. 4. Тимеревский археологический комплекс. Скандинавские фибулы (1 - поселение, 2, 3 - могильник).

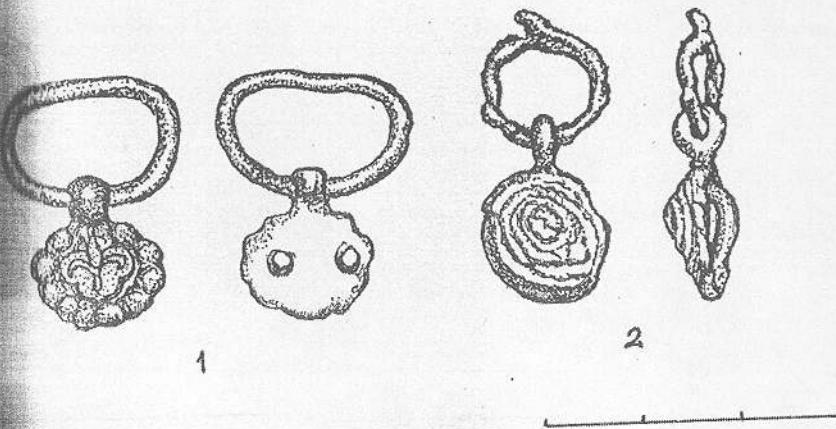

Рис. 5. Тимеревский археологический комплекс. Бронзовые детали поясной гарнитуры и сбруи (1, 2 - поселение).

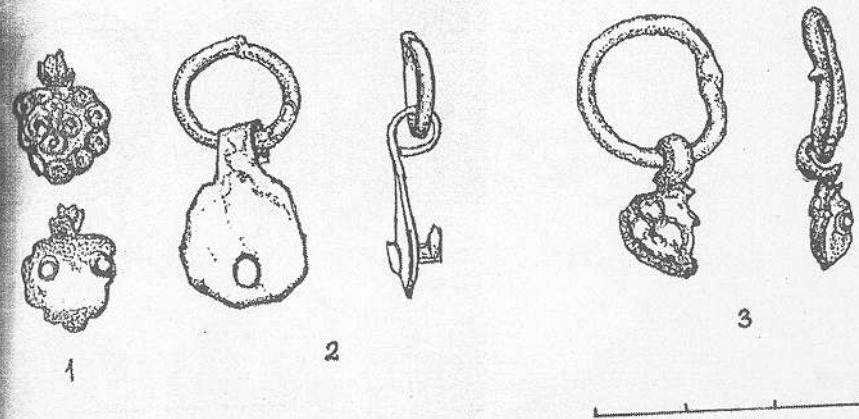

Рис. 6. Тимеревский археологический комплекс. Детали поясной гарнитуры и сбруи. 1, 2 - могильник, 3 - поселение (1, 3 - бронза, 2 - железо).

Анас Халидов
(Санкт-Петербург)

ПЕРЕЧНИ ТОВАРОВ ВОЛЖСКОГО ПУТИ В АРАБСКИХ ИСТОЧНИКАХ IX - НАЧАЛА XIII в.

Тысячу лет назад, в глубоком средневековье, мировая торговля была сосредоточена в бассейне Средиземного, Черного и Каспийского морей и на прилегающих территориях. Отдельные замкнутые торговые зоны составляли Китай и Индия, которые были связаны, однако, с названным центром мировой торговли морским и сухопутным путями; речь идет о судоходстве в Индийском океане и о континентальном, т.н. шелковом пути.

Торговля в направлении юг-север, или север-юг, также существовала, издревле, об этом свидетельствуют материальные, вещные остатки, извлекаемые археологами из земли при раскопках. Но письменные сообщения о древнем периоде либо ничтожны, либо отсутствуют вовсе. На рассматриваемый нами период IX-XIII вв. как раз и приходится интенсивный рост торговли в направлении юг-север, хотя она также временами прерывалась, главным образом превратностями военно-политических событий. Одним из важнейших торговых путей указанного направления в Восточной Европе стал Волжский. Назывался он, конечно, не "Волжским", это название появилось значительно позднее, его принесли обитатели верховьев этой реки, в конечном счете утвердившие свое господство на всем ее течении. Тогда Реку называли Итил (Атил), либо же по именам тех народов и племен, которые занимали ее берега: "река хазаров", "река русов", "река саклабов", "река булгаров", "река буртасов". Море, или большое озеро, в которое впадала эта река, также имело несколько названий: "море хазаров", "Хорасанское", "Джурджанское", "Табаристанское", "Хорезмское" море и др.

Письменные сообщения о Каспийско-Волжском пути и обитавших в его зоне народах в основном приводятся на арабском языке, хотя он был, по всей видимости, далеко не единственным языком участников торговли. В практическом употреблении он, вероятнее всего, уступал сначала персидскому и позднее тюркскому языку. Но сочинения писали почти сплошь на арабском языке, какими бы ни были этническое происхождение и родной язык их авторов: такова была тогда его доминирующая роль.

Наши источники о торговле и товарах Волжского пути принадлежат к одному типу сочинений, а именно географических (так наука и называлась широко употребляемым и в наше время термином, в арабском произно-

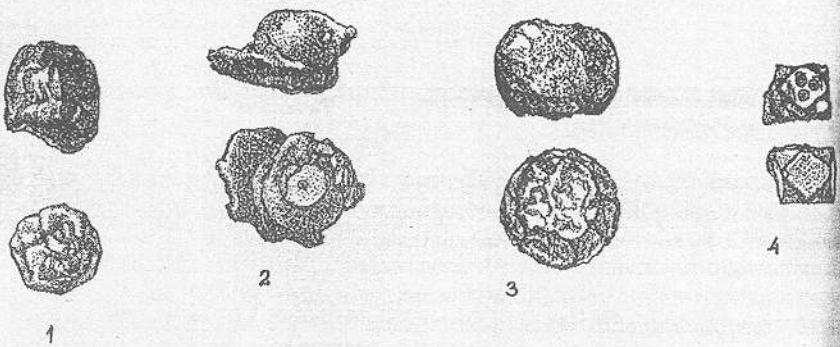

Рис. 7. Тимеревский археологический комплекс. Весовые гирьки (1, 3 - поселение, 2, 4 - могильник).

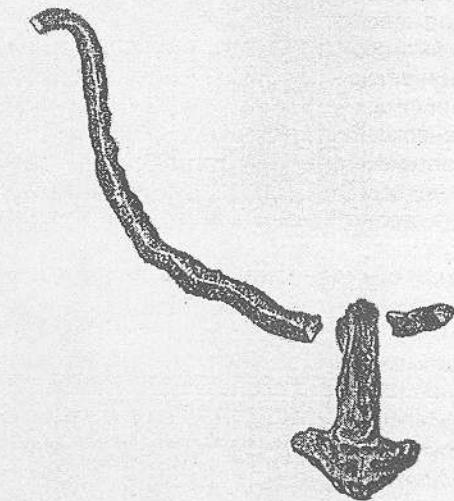

Рис. 8. Тимеревский курганный могильник. Фрагменты золотой гривны с молоточком Тора.